

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Лев Толстой против ПОЛИЦИИ

Дженнифер Уилсон

25 июня 2020 год

Дженнифер Уилсон
Лев Толстой против полиции
25 июня 2020 год

Скопировано 19.01.2023 с newochem.io
Перевод Эммы Ягмуровой под редакцией Сергея
Разумова. Примечания от newochem.io

ru.theanarchistlibrary.org

В первые месяцы карантина многие люди, будучи вынуждены оставаться дома, стали прибегать к необычным источникам успокоения: к PowerPoint-презентациям губернатора Эндрю Куомо (искренность и прямота слайдов, сопровождавших коронавирусные брифинги Куомо, стала мемом — прим. *Newochem*), выпечка хлеба (особенно — по неясным причинам — хлеба на закваске) и к чтению «Войны и мира», романа Льва Толстого длиной 1200 страниц, посвященного наполеоновской эпохе в России.

Объединенные в сети хэштегом #TolstoyTogether, читатели, вероятно, не слишком удивились тому, что их привлекла книга о стране, переживающей времена неопределенности, и о простых людях, подчиненных воле непоследовательных и неэффективных политических лидеров. При всей своей литературной силе и весомости (последнее часто приводится в качестве объяснения того, почему книга превратилась в идеальный способ отвлечь внимание от пандемии), «Война и мир» показалась мне недостаточно

радикальной для сегодняшнего дня, особенно с учетом широты общественных воззрений Толстого. В первые дни пандемии мне, скорее, хотелось прочесть «Смерть Ивана Ильича» (1886) — повесть Толстого о богатом и амбициозном придворном чиновнике, гибнущем от болезни, которая ставит его врачей в тупик. В болезни Иван Ильич обретает просветление и понимает: общество его времени устроено так, что выгода ценится больше, чем люди.

Толстого притягивало к персонажам, находящимся в поиске, в постоянных муках духовного кризиса. Джордж Оруэлл описывал таких персонажей как личностей, «борющихся за то, чтобы создать свою душу». В действительности Толстой воспринимал ситуации личных и общественных кризисов как необходимые надломы, которые способны побудить к более глубокому анализу общества и убеждений, которые приняты в этом обществе. Говоря о собственном духовном пробуждении, запечатленном в мемуарах «Исповедь» (1882), он описал чувство, как из-под ног уходит земля. Поэтому неудивительно, что читатели обнаруживают в его работе новую актуальность в то время, когда расовое и экономическое неравенство, ставшее наиболее очевидным в связи с коронавирусом и полицейскими убийствами, вдохновило беспрецедентное количество людей на то, чтобы подвергнуть сомнению некоторые из фундаментальных мифов, существующих в Америке. С призывами прекратить финансирование полиции многие впервые в жизни задаются вопросами не только о том, как функционируют наши институты, но и о том, должны ли они вообще существовать.

Одним из таких персонажей Толстого стал Иван Васильевич, герой короткого рассказа «После бала» (1903). Иван — молодой человек, любящий выйти в свет, влюбляется в дочь одного полковника Вареньку. Он планирует поступить на службу в армию — прежде, чем ранним утром ока-

зывается на одной роковой прогулке. Ночь он проводит на городском балу, танцуя с Варенькой, «костлявой» юной красавицей: «Хоть я и охотник был до шампанского, — размышляет он, — но не пил, потому что без вина был пьян любовью». Однако Иван так же сильно влюбляется и в ее отца, доброго и нежного человека, который, как ласково отмечает Иван, надевает на бал простые сапоги, потому что предпочитает тратить все лишние деньги на дочь. После бала Иван возвращается домой, но не может заснуть, будучи еще переполнен восхищением.

Тогда он выходит на прогулку по заснеженным улицам в сторону дома Вареньки, но, когда приезжает, видит неясную сцену: «Солдаты в черных мундирах стояли двумя рядами друг против друга, держа ружья к ноге, и не двигались. Позади их стояли барабанщик и флейтщик и не переставая повторяли всё ту же неприятную, визгливую мелодию». Это были военные, и молодого офицера-татарина (татары были этническим меньшинством в России) наказывали за дезертирство. Иван смотрит, застыв, как тело молодого человека заливается кровью: «Дергаясь всем телом, шлепая ногами по талому снегу, наказываемый, под осыпавшимися с обеих сторон на него ударами, подвигался ко мне». Иван видит, что руководящий происходящим полковник — это не кто иной, как отец Вареньки — человек, которого всего несколько часов назад он считал любящим и добродушным. Иван убегает, отчаянно пытаясь забыть увиденное. Но тщетно. Пытаясь заснуть, он все еще слышит мольбу молодого офицера: «Помилосердуйте, братцы». Иван решает не поступать на военную службу и задается вопросом, можно ли быть частью общества, в котором такое насилие не только совершается, но и разрешено государством.

«После бала» был написан в период, который исследователи называют этапом пост-трансформации Толстого, начавшимся в 1879 году, когда писатель стал отходить от

художественного вымысла и сосредоточился на политическом применении своей христианской веры (что выразилось в своеобразном анархизме). В этот период, который длился примерно последние три десятилетия его жизни, Толстой писал нравственные трактаты и мощные сочинения, призывающие к ликвидации частной собственности, упразднению государства и отмене воинской повинности.

Взгляды Толстого, в частности его сильная критика насилия со стороны государства, вызывали недовольство властей, установивших поэтому постоянное полицейское наблюдение за писателем. Его более поздние работы подвергались цензуре в России и были доступны, в основном, за рубежом и в переводе. Его антивоенная позиция была даже приведена как основание для отказа в присуждении ему Нобелевской премии по литературе. Секретарь Шведской академии отклонил кандидатуру Толстого, утверждая, в частности, что он, пропагандируя пацифизм, «отрицал право как отдельных лиц, так и народов на самооборону».

«После бала» в действительности принадлежит к позднему этапу той многолетней критики, которую Толстой высказывал по поводу насилия со стороны государства. Будучи молодым солдатом, воевавшим на Кавказе, а затем и в Крыму, он писал в своих дневниках об ужасных сценах насилия, свидетелем которых стал. Во многом «Война и мир» был задуман как своеобразная поправка к популярным историям и байкам о войне, которые прославляли сражения. Вместо этого Толстой демонстрировал войну как нечто бесцельное, хаотичное и унижающее. Эти взгляды в итоге превратились в более широкую критику применения насилия, которое, по его мнению, служит поддержанию социального порядка, приносящего пользу только богатым и правящему классу. «Насилие держится теперь уже не тем, что оно считается нужным, — писал он позже, — а только тем, что оно давно существует и так организовано людьми,

которым оно выгодно, т. е. правительствами и правящими классами». Поздние взгляды Толстого считались особенно опасными отчасти потому, что он призывал не просто к реформам, а к упразднению институтов, поддерживаемых и регулируемых применением силы.

Ричард Густафсон, автор книги «Толстой: Обитатель и Чужак» (1986), писал, что для Толстого ненасилие означало «отказ от использования принуждения как связующего звена в сообществе». Толстой предложил вместо этого обратиться к другим формам общественного устройства, основанным на любви, братстве и взаимопомощи. Возможно, лозунги, которые мы слышим в настоящее время по поводу прекращения финансирования или упразднения полицейских структур, могут быть интерпретированы так же — как призывы к любви. Активисты, требующие прекратить финансирование полицейских участков, настаивают на том, чтобы эти же средства перераспределить между различными организациями и в поддержку политики, которая поможет малоимущим, людям с ментальными расстройствами и тем, кто не имеет гарантированного жилья.

Мольба «Помилосердуйте, братцы» будет преследовать Ивана Васильевича до конца его жизни, как и нас сегодня преследуют мольбы о воздухе, о «матери» (автор отсылает к словам Джорджа Флойда «Я не могу дышать», ставшими одним из слоганов движения BlackLivesMatter, и к маршам матерей, прошедшим в рамках протестов против полицейского насилия и расовой дискриминации — прим. Newoчём). Мы должны отвечать на эти мольбы любовью, что, как напоминает нам Толстой, будет означать устранение ее противоположности.